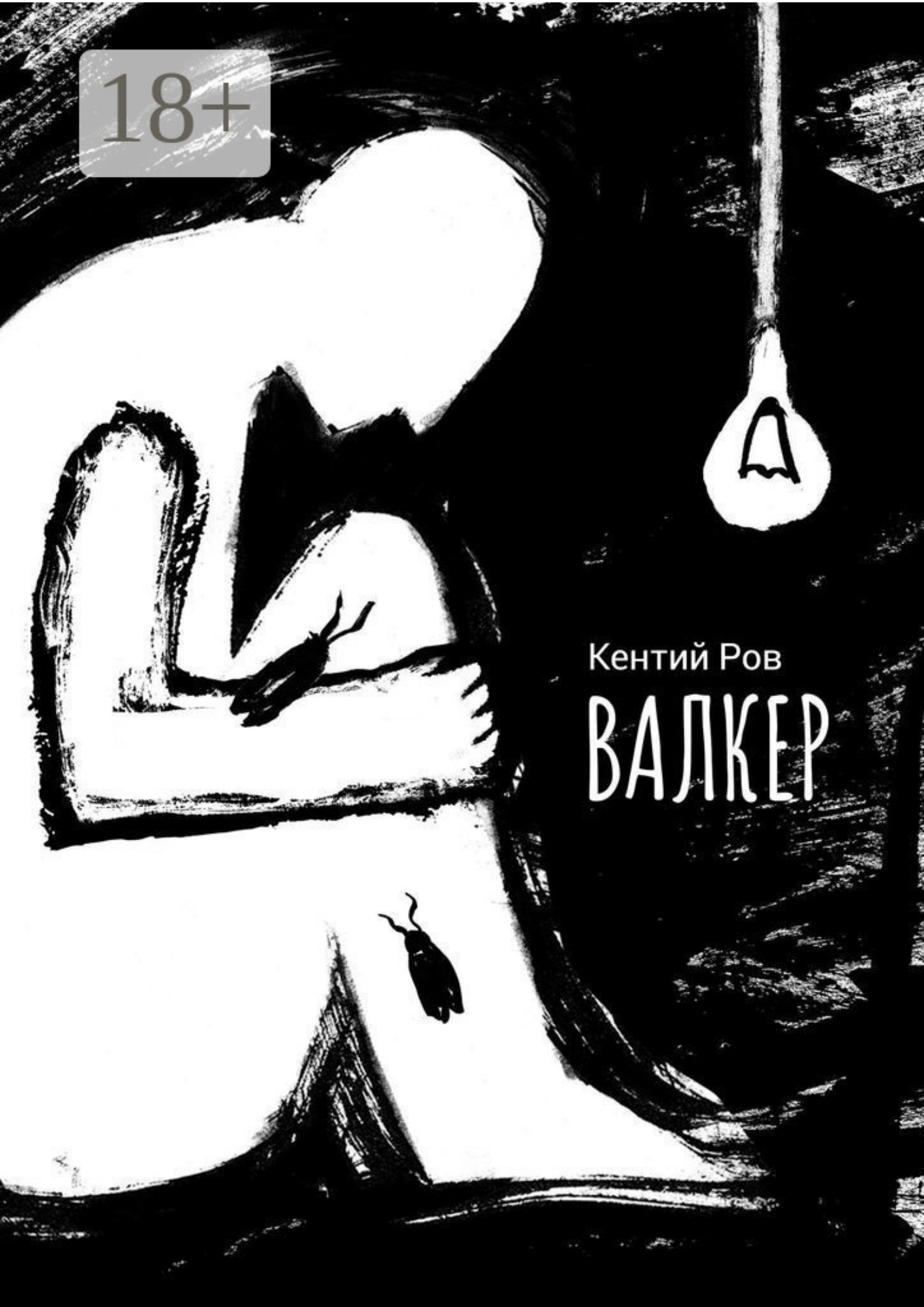

18+

Кентий Ров

ВАЛКЕР

КЕНТИЙ РОВ

Валкер

«Издательские решения»

Кентий Ров

Валкер / Кентий Ров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-530525-1

«Валкер» — сборник коротких рассказов, объединённых одной темой: всё уже произошло. Потерянные герои бродят по собственным сомнениям, существуя не в гуще ярких событий, а в той однообразности между вспышками в биографии. Они ходят на работу, ездят в метро и одиноко сидят по квартирам в ожидании вызова судьбы, который вот-вот зазвучит из отключённого стационарного телефона. Но никто не звонит. Жизнь продолжается. Остаётся только искать что-то в размытом изображении сквозь стекло маршрутки. Организация "Meta Inc." запрещена на территории РФ. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-530525-1

© Кентий Ров
© Издательские решения

Содержание

КАК ТАМ ЕГО?	6
КРАСНЫЕ ВЫВЕСКИ	8
ПАРАД-РИПОСТ	11
ХОЛОД	14
ДАЙ МНЕ ПОСПАТЬ	17
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Валкер

Кентий Ров

© Кентий Ров, 2021

ISBN 978-5-0053-0525-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**СТО СОРОК СЛОВ ПОСЛЕ ЗАПЯТОЙ
О БЕССЮЖЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ,
ВЫЧИТАЯ РАЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗ ИРРАЦИОНАЛЬНОГО**

Упс,

и, орех, с, весло, инициатор, яд, декада, вахта, бит, ересь, не, цитадель, толстячок, персона, намордник, нут, щи, цех, шнуровка, эфес, опушка, бывает, ад, слепок, врач, дот, гул, кардинал, раб, от, союзник, диафрагма, литературы, жираф, <...>, фа, генетика, австриец, дуэт, у, противень, молитва, к, без, ярость, бандитизм, щит, занятость, проталина, йод, диалект, шериф, в, <...>, сюжета, хобби, интервью, ют, <...>, клетчатка, антракт, душа, резолюция, рука, стол, есть, телец, автономия, юг, суд, <...>, мадонна, гомеопат, о, чаяние, гром, лишь, <...>, нелюди, ум, доблесть, морфий, фа, <...>, послание, раскаяние, измерение, сюжеты, нигилизм, засуха, ус, сжигание, <...>, рот, орда, царствие, ре, книга, не, зуд, блок, як, о, в, филолог, <...>, приказ, граната, обвинение, кричащие, носитель, ас, с, крюк, эпителий, <...>, стержень, натуга, шлейф, я, о, шип, да, биомасса, ми, сыр, <...>, эпилог, сорняк, табу, диалект, своём, <...>, осознание, ров, птицелов, фуга, туша, копыто, <...>, тяготение, пачка, наличии, гетто, <...>, глина, бессилие, от, па, бак, к, полость, ор, читателю...

КАК ТАМ ЕГО?

Вы когда-нибудь замечали, с какой скоростью проносится в нашей голове звук нажатой на клавиатуре клавиши? Нет, серьёзно. Пара минут симфонического стука превращается в текст, неважно какого качества, с такой скоростью, что наш мозг зачастую даже не может отследить этого. Этой мыслью был занят Геннадий в момент написания абсолютно другого по содержанию и по смыслу манифеста. Иронично. Давайте сразу проясним, Геннадия не существует: его придумал я. Сейчас Геннадий сидит в моей квартире, так как я не очень богат на географическую выдумку, и работает над многостраничным трудом об эффекте бабочки. Знает ли он хоть какое-то научное описание, проводил ли хоть какие-то исследования этого явления? Нет, конечно. Я придумал Геннадия в качестве этакого аватара, может, и меня самого. Геннадий лишь выдумка, все его мысли выдумка, все его желания, его невымытые волосы, его длинные пальцы, его рваные домашние шорты – всё несущественно и неважно, ведь никогда и не существовало. Да и вообще, смотря на его кропотливый труд, мне даже немного жалко. Я ведь Гену создал в качестве фигуры нелепой, комичной, но он об этом, естественно, не догадывается. Вот, например, сейчас Гена пишет абзац о полной независимости от внешней реальности, о настоящей свободе, которой он смог достичь. Ему эта идея кажется такой важной, нужной кому-то, но я, сидя за его спиной, сейчас разьясню, что Гена перед написанием своего манифеста выпил стакан дешёвого «вина» в баре, в подвале которого его и варят, тем самым Геннадий проспонсировал Сурена, жителя соседнего района, который владеет парочкой питейных заведений в городе Геннадия. Ещё Гена, невероятно нервничая от важности собственных идей, сейчас потрясывает ножкой, отчего потолок в квартире под ним слегка осыпается и будит ребёнка Семёновых, который обожает орать после пробуждения. Тем самым все идеи Геннадия о свободе не стоят и копейки, ведь он «та самая сволочь», разбудившая чьё-то чадо и пролившая слезинку ребёнка, а после этого весь мир и рухнул. Ну да забудем про сторонних персонажей за сценой: Гена начинает свои рассуждения о нравственности, равенстве, правах, других вселенных и прочих мыслях, которые заботят каждого праздного балагура. Я, конечно, могу продолжить разбивать его идеи грубой иронией, но это уже безвкусно. И вот настает кульминация рассуждений Геннадия, его теория о бесконечной параллельной реальности, какое ему дело, что кто-то уже её выдумал: прерву его рассуждение сигаретой. Гена берёт пачку красного «Честера», достаёт зажигалку, щёлкает... Мысль потеряна. Всё, она разорвалась, потерялась, сдулась и летает теперь где-то по комнате, а Гена этого даже не заметил. Пшик. Теперь, если бы он мог меня видеть, пришла бы очередь Гены смеяться надо мной. Пока он курит, я лихорадочно придумываю развитие заданной ситуации. У меня ведь был какой-то план повествования, не мог же я придумать Гену только для того, чтобы потренировать приём демиурга?! Ему осталась всего пара затяжек, а у меня нет ни малейшей идеи развития сюжета, вот так и случается: кто-то пропивает глобусы, а я одной сигаретой прокурил целую параллельную вселенную Геннадия!

Вставим клише.

Звонок в дверь. Подобные заготовки всегда спасают. Гена нехотя тушит сигарету, поднимается со стула, медленно, стараясь не создавать вибраций, хотя ребёнок внизу уже проснулся, но откуда моему герою знать об этом, в доме неплохая звукоизоляция, идёт к двери. Щелчок верхнего замка, поворот ключа, вставленного в нижний замок и... Что?! Гена уже лежит на полу. Из трещины в его голове по моей квартире разливается вязкая красно-коричневая жижа. Кто-то стоит в дверях, сжимая в руке молоток. Я не могу разобрать ни лица, ни чего-то ещё. Очевидно, что именно это отобрало у меня моего Геннадия, мою шутовскую иллюзию; какого чёрта!? Ладно, забыли. Уже утро: вино кончилось, идеи, очевидно, тоже, а Геннадий вместо того, чтобы стать ироничным аватаром пустословия и, возможно, меня, истекает кро-

вью на полу. Бездыханный. Очередной лживый мираж, мёртвая картинка. Я встаю со своего кресла, иду на кухню, достаю хлопья из верхнего ящика. «Завтрак для чемпиона» – где я вычитал это идиотское название? Повернувшись, я понимаю, что дверь всё ещё открыта; того, что стёрло Геннадия, нигде не видно, я как-то и позабыл о нём, странно это, ведь я его придумал. Наверное. Ставлю хлопья на стол. Что-то стоит рядом, никак не могу вспомнить что это, не хочу смотреть: придётся, наконец, проснуться или придумать нового «Гену» – продолжай. Просыпайся.

КРАСНЫЕ ВЫВЕСКИ

Ноги шаркали по главной улице города в такт бульканью из канистры. Иван никуда не торопился, разглядывая едва освещённые дома. Никаких неоновых вывесок, все круглосуточные магазины, включая те, что всё-таки приторговывали по ночам, не освещали дорогу витринами, даже фонари, казалось, последние полгода были слишком тусклыми, если вообще работали. На небе, как всегда, было видно лишь лёгкое очертание луны: звёзды были напрочь закрыты дымом с ближайших предприятий, который создавал эффект занавеса, видневшегося ещё на подъездах к городу, зато в дневное время делал небо замысловатым и необычным. Приезжие часто говорили, что такого у себя над головой никогда не видели, да и местным иногда удавалось поразиться виду. Например, четыре часа назад Иван Прокофьев впервые в своей жизни увидел, как наступает ночь: он стоял на балконе, крутя в руках сигарету и смотря на детей, играющих во дворе. В очередной раз затянувшись, он зажмурился от дыма. А открыв глаза, Ваня увидел, как огромная туча начала издали пожевывать небосвод, медленно, но достаточно, чтобы фиксировать её движение справа налево. Метр за метром чернота пожирала закатные, окрашенные красноватым золотом облака, пока не добралась до середины. Иван всегда был дуалистом, даже зачастую не отдавая себе в этом отчёта, как и многим, ему с детства был привычен образ смены дня и ночи как схватки: добро и зло, свои и чужие – но сейчас в этот момент Ваня видел лишь то, что происходит. В нём ничего не сломалось, он не поменял взгляды, это не было каким-то знамением или коварным замыслом – с точки зрения Ивана это просто происходило, никакой борьбы, и это было поразительно естественно, именно это и должно было всегда случаться. Ночь всегда наступает, никаких Яхве, Перунов и Зевсов не боролось в этот момент со злыми братьями или нерадивыми детьми. Всё красное золото было съедено, без смысла, без драки, без взрыва – пришла ночь, вот и всё. Ответ был так прост: «Всё лишь скопление частиц и пустоты». И оно ежесекундно исполняется без всякой на то причины или воли. Ваня спокойно повернул головой, осматривая двор: ему показалось, что никто не заметил. Он выкинул сигарету, оделся и спокойным шагом вышел из квартиры. Ближайшая заправка была в паре километров.

Иван свернул с Советского проспекта на улицу имени Ленина, канистра булькала. Если бы Ваня не знал, куда идёт, то наверно бы заблудился: из-за общей темноты дорога казалась лишь линией, ведущей в черноту. По бокам от проезжей части стояла череда коммерческих зданий, из которых всё ещё работали немногие: популярный книжный магазин и менее популярный, вывеску которого закрывало полотно с надписью «АРЕНДА», два общепита, находящихся в двух метрах друг от друга, «АРЕНДА», «АРЕНДА», у ночного клуба стоит толпа людей, мигая сигаретами в темноте, спорт-шоп с оторванной от здания буквой «д», который все называли «айдас», а рядом другой – «АРЕНДА», напротив друг друга четыре магазина дверей, которые были разделены сток-маркетом одежды для беременных, закрытым, и пивом на розлив, а дальше ещё несколько старых магазинов, замотанных в красное полотно – «АРЕНДА». Ваня знал, что чем дальше идёт, тем больше будет этих надписей. Он и сам в ближайшее время хотел повесить такую на свой офис. По-хорошему, это надо было сделать ещё прошлой осенью, через полгода, как он вернулся из-за болезни матери. Уже тогда всё определилось: клиентов почти не было, а те, что заходили, брали мазь за триста рублей и частенько не возвращались. Не украшала ситуацию и полная некомпетентность Вани как управляющего: товар почти никогда не сходился с кассой, накладные произвольно валялись в разных частях магазина, а свежий долг по кредиту всё рос. Нельзя сказать, что он не старался всё исправить, но любая проблема вызывала в нём приступ паники, ведь он абсолютно не понимал, что делает. До этого он продавал только свои картины на Невском, но продавал паршиво: ему едва хватало денег на оплату комнаты в хостеле; да и картины были невысокого качества. Ваня не раз

слышал, что у него талант, но его писанина, что бы он ни делал, получалась заранее мёртвой, словно и не картины с натуры, а скучные и несвязные миражи, может, и была возможность превратить это в свой стиль, но он не смог. В итоге все его работы так и остались валяться на подоконнике в том хостеле, а он в спешке уехал, надеясь спасти смертельно больное семейное дело. Не вышло. Мамы не стало в сентябре. Предложения по сдаче поступили почти сразу, но Ваня отказывался, обычно говоря, что из-за воспоминаний, которые там остались: отчасти это было так, но правда была в другом. Ивана всегда вгоняли в тоску эти вывески, ведь сдать помещение – это всегда отчаяние. Когда ты закрываешь площадь, ты ещё надеешься что-нибудь там открыть, у тебя всегда есть маленькое окошко, в которое ты смотришь и думаешь, что сделаешь ремонт, найдёшь другую компанию или, чем чёрт не шутит, откроешь свою, возьмёшь новый кредит на товар и начнёшь заново. Когда ты сдаёшь помещение, заранее знаешь, что это конец. Даже если его и снимут, будут деньги, но не будет завтра, окно, которое пропускало немного света, навсегда закроется. Иван точно знал это: он видел десятки пьяниц, которые побирались по Васильевскому острову, но при этом далеко не все из них были бездомными. Многие жили на деньги от сданной комнаты в общежитии. Ваня даже разговорился с одним из таких, тот, конечно, в ближайшее время хотел найти работу, много рассказывал о великих предках и своём великолепном советском образовании – всё это с яростью, жизнью! Каждый день Иван смотрел, как этот человек ходит по 7-й линии, приставая к прохожим. Это не была смерть. Смерть – это естественный процесс, но то была единственная вещь, противная Вселенной. Стагнация. Раны заживают, переломы срастаются, трупы разлагаются, выделяя миллиарды атомов, которые разлетаются по миру, звёзды взрываются, создавая материал для бесконечного движения – ничего не останавливается, никогда. Потому Ваня и не сдавал магазин: он не видел ничего страшнее «арендного человека» – человека, который не происходит.

Плечо начало сварливо ныть от тяжести, Иван взял канистру в другую руку, та булькнула. Ваня дошёл до места: два магазина одной сетевой фирмы стояли, злобно рассматривая друг друга. По левую руку была точка конкурентов, по правую – его собственная. Иван шёл по левой стороне. Он подошёл к ступенькам у двери и аккуратно снял центральную плитку: парень не раз видел, как продавщицы оставляют там ключ для сменщицы, который был там и на этот раз. Он спокойно зашёл внутрь, сигнализация не работала, ему об этом намекнули, когда он последний раз заходил платить за охрану: видимо конкуренты давно не платили. Помещение было интуитивно знакомым, очевидно, его обставляла сама тётя Лена – даже через годы натуральной войны, которую устроила эта женщина с его семьёй, Ваня никак не мог называть её по-другому. Магазин был почти точной копией стоящего напротив, только с деревенским колоритом вроде странной, безвкусной вывески над стойкой и древнего кассового аппарата, которым, очевидно, всё ещё пользовались, хотя рядом и стоял компьютер. Ваня снял крышку и медленно прошёлся внутри, разлив половину содержимого канистры. Он не тряс ей в исступлении: несмотря на всю грязь, вылитую на его мать, на распущенные слухи, бывшая владелица так и осталась для него «тётей Леной» – странной гэкающей женщиной в плохо сидящем, но недешёвом деловом костюме. Когда-то она ходила на семинары его матери по маркетингу, потом была одним из первых, наиболее бойких, распространителей, а потом что-то переклинило, а может, так и планировалось. Началось всё с безосновательного слуха о скором закрытии магазина Ваниной семьи и перетягивания клиентов, потом пошли бесконечные жалобы о нарушении регламента компании, которые раз в неделю отправлялись в головной офис, в конце концов дошло до простых и нелепых, но наиболее действенных, оскорбительных слухов – и так пять лет. «Тётя Лена» умерла два года назад: когда оборот обоих магазинов стал мизерным. Владелицей стала её сестра, которая тут же распустила байку о том, что семья Прокофьевых наслала порчу на «тётю Лену», и та слегла от рака. Ваня тогда успокаивал плачущую мать, со смехом вспоминая, как она спросила: «Почему дьявола в фильме вызывают звёздочкой?» Сейчас всё это было неважно, клиентов не было ни у кого. Ваня достал спичку, зажёл и, выходя,

бросил на пол. Он спокойно, даже не посмотрев вокруг, пересёк дорогу и повторил всё то же в своём магазине. Только прихватив складной стул, который, как он помнил, его мать выбирала ещё со своими родителями, когда помещение только открывалось. Дед тогда вообще не понимал странного дизайна торговой площади, который сделали студенты из местного училища искусств, но молчал, хоть и бубнил что-то под нос. Выходя, Иван на минуту встал в проёме и закурил. Он посмотрел на голубоватые стены, как раненый смотрит на заражённую гангреной ногу. Не то чтобы Ваня засомневался, просто внутри всё невероятно сжалось – ощущение, будто все органы резко стянуло в одну точку, спрессовав со страшной и неведомой ему силой, как частицы перед взрывом. Он моргнул. Настал черёд пустоты.

Иван поставил стул посреди дороги и сел – машин в это время никогда не бывало. Треск был слышен с обеих сторон. Иван Прокофьев посмотрел вперёд: как и раньше, там была чернота, но дорога впервые осветилась.

ПАРАД-РИПОСТ

Я успел трижды проверить весь ворох онлайн-сообщений в своей голове. Аля опаздывала: я мёрз. Мы познакомились на каких-то курсах по журналистике, где я навсегда уяснил, что моя писанина нравится только психам да тем, кто под них косит. Алина относилась к первым. Мы мало общались лично, в основном в мессенджерах. Так и не смог отследить тот момент, когда формальное общение людей, учащих в одном месте, перерастает в разговоры об анальном сексе, при том что я даже не слишком хорошо помнил, как она выглядит – такое бывает, когда трезвый ты гораздо реже, чем под мухой – но вот диалоги запомнил. Больше всего в них задевала её уверенность в факте того, что она полностью прочитала меня, услышав пару дерьмовеньких эссе, написанных на коленке в барах на отшибе. Задевала настолько, что я стоял в шесть утра на вокзале и ждал её поезд. «Ненавижу ждать», – говорила большая часть мозга. «Мне нет дела», – рявкнуло эго. У каждого мужчины есть внутри большая красная кнопка с надписью «Не нажимать» – самолюбие. Размер кнопки зависит лишь от размера ваших комплексов: моя была размером с Вологодскую область, а потому попасть в неё можно было даже случайным выпадом. Я не помню, сколько так прождал, но Алю так и не увидел, потом понял, что телефон разряжен, и мы скорей всего разминулись. Мысленно выругался. Пошёл домой. Поставил телефон на зарядку и уснул.

Часов в шесть меня разбудил телефонный звонок.

– Алё, Лёша?

– Да, кто это?

– Алина, – мне стало стыдно, что я её не узнал. – Мы сегодня хотели встретиться, ты всё ещё хочешь? – мне показалось, что она обиделась.

– Выпьем? – сказал я это, чутка замявшись, будто предлагая не ей, а скорей себе.

– В баре?

– Да, да, конечно. Давай в шесть в «Шафле».

– Уже шесть, – я снова мысленно выругался, крепко.

– В семь тогда, нормально?

– Да. Встретишь меня у метро.

– Постараюсь...

В семь тридцать пять – я опоздал – мы сидели в баре и тарачились друг на друга, пытаюсь вести натужный разговор: я демонстрировал скудное остроумие, она поражалась тому, что я легко выпиваю двести грамм залпом. Диалог был беспощаден в своей тяжести, больше похожий на унижительную и набивающую оскомину проверку оружия перед боем. В общем-то, это и была подготовка. Любые такие разговоры между похожи на маленький поединок спортивного фехтования – этот ещё не начался.

– Так тебе правда понравились мои эссе? – я кое-как пытался втиснуться в идиотскую куртку с электродами.

– Да, конечно, – она подсоединяла провода к маске.

– Может, пойдём отсюда? – мы встали на дорожку, невидимые судьи включили датчики.

На улице алкоголь, наконец-то, начал действовать, медленно, но приятно. Языки понемногу развязывались.

– Я пойду ещё пива возьму.

– Ты же только что пил, – она не изумилась, ничего подобного, скорей сказала дежурную фразу, которую нужно было сказать.

– Я пил виски, а сейчас хочу пива...

Через полчаса мы уже сидели на какой-то лавочке, я был пьян, но недостаточно, чтобы сказать, что мне хватит – как будто есть та самая стадия, в которой ты себе это говоришь.

Мне нравилось в неё верить. Мы молчали, а потом Аля вдруг с абсолютно серьёзным лицом, холодно, жестоко, словно втыкая в меня здоровенный осиновый кол, произнесла:

– Я тебе не дам.

Кнопка самолюбия вдавилась по самую подкорку головного мозга. Я почувствовал, что эта фраза со всей дури вмазала по моей маске. Так, что шпага погнулась... Так, что маска затрещала... Так, что даже судьи перекрестились... Внутри меня включились сирены, эго кричало, как мать над трупом сына, всё вокруг горело, воцарившийся хаос занимал каждую клетку организма. Мозг злобно пульсировал, выкрикивая проклятия: он, как никто другой, знал, что все его мощности после этого «удара» будут направлены лишь на одну цель. На одну особь, лишая тем самым меня права выбора, а её субъектности.

– Ладно, – мне показалось, что даже прохожие услышали звук от взрыва.

На следующий день мы пьяными завалились в какой-то хостел. Я всунул тысячу полной женщине, которая очень мерзко ухмылялась, выглядел я, наверно, ужасно жалко. Большую часть ночи Аля пугала несчастных тараканов криками. Уснул я, так и не кончив. После того вечера мы стали достаточно часто встречаться, в основном уже у меня в квартире: там было некого и нечем пугать. Выяснилось, что она самую малость безумна: Алина воровала магниты с холодильника, вечно пыталась выпить сильнее меня, а наши разговоры всё ещё были боями – я уставал. Все мои рассуждения и философские бредни тотчас разбивались о воспоминания про бывших парней, которые, конечно, вжимали несчастную кнопку на полную. Отыгрываться я мог только в сексе, и то не всегда.

– Я лишь позволяла ему себя любить.

– Ты ведь знаешь, что так говорят лишь трусы и идиоты?

– Почему?

– Односторонней любви не бывает – это мазохизм, извращение.

– А мы тогда почему?.. Ответь.

– Масса выстраивает вокруг себя каменные стены, или водопады, или спрессованный воздух...

– Ты опять начинаешь, слушать же невозможно, как Завистовский... – кажется, у того парня была какая-то вихлявая фамилия.

Здесь я обычно хватал её за спину, прижимал и целовал: чувствовал, что проигрываю почти все очки, даже то, которое начисляется за стыд, который у меня вызывал сам факт моего «подсчёта». А потом были вот такие речи:

– Знаешь, я всегда убегаю от тех, кто мне нравится.

– Зачем?

– Не знаю.

– Ну хорошо, что я тебе не нравлюсь...

Мы смеялись брэнчанием проводки на электрокуртках.

Потом я вёл её до метро. Продолжалось это где-то месяц, ничего не менялось, лишь пьяная стагнация. Вечные обоюдные атаки, а судья забыл про правила приоритета. Как-то раз мы сидели на остановке, а напротив стоял какой-то мужик и голосовал. Одет он был в футболку «Kinder Chocolate», что мне казалось безумно забавным. На лице мужчины виднелись явные признаки запоя, а ноги предательски подкашивались каждый раз, когда он пытался поднять руку, чтобы поймать машину. Конечно, никто не останавливался. Аля говорила о чём-то, а я смотрел на этого алкаша, который всё стоял и стоял с поднятой рукой: надеялся не ясно на что, пытаюсь вытащить себе хоть какой-нибудь кусочек счастья...

– Эй, ты слушаешь меня?

– Задумался. Что ты говорила?

– Купи мне шоколадку.

– Чего?

– Шоколадку, – ела Аля, кстати, только шоколад, по крайней мере, я никогда не видел, чтобы она питалась чем-то другим.

– Ладно, – я нехотя поднялся с лавочки и пошёл в сторону ларька.

– Ты мне нравишься.

– Что? – я расслышал, но всё же решил переспросить.

– Да ничего.

– Ладно, – что-то снова взорвалось, но уже не похожее на атомную бомбу, скорее на салют из самодовольства.

Я забежал в палатку, купил первое, что попало, и пошёл обратно: хлопки внутри уже отзвучали, и осталась та тягучая дымка после залпов. Как-то внезапно я вспомнил, что она сегодня надела серую помятую юбку – всегда был фанатом платьев, она их, как будто назло, никогда не надевала. Ситуация была какой-то зловещей. Когда я вернулся на остановку, девушки уже не было. Нигде. Моё тело сделало несколько нелепых оборотов, вибрируя, словно металлоискатель. Взгляд обречённо оглядел окрестности, но естественно никого не было, я грохнулся на скамейку, сняв обертку с шоколада. Поединок не закончился, вместо этого противник снял с меня маску, сорвал все датчики, врезал гардой по морде, а потом сломал обе сабли о колено.

Просидел я на той остановке несколько часов, мужик напротив всё ещё голосовал. Мы оба не хотели уходить до последнего, хотя стоп, это – ложь. Нам было некуда, вот это – правда.

ХОЛОД

Глупость в одном действии

Действующие лица

Егор.

Ещё кто-то.

Действие в съёмной квартире на окраине города.

Одетый Егор, завернутый в одеяло, бродит по комнате.

Явление первое

Егор. Сука, да что ж так холодно?! Когда они уже отопление включают?

Егор. Сейчас июнь.

Егор. Тогда какого чёрта так холодно?! Надо сходить в ЖЭК, когда замок починю. Замок (протяжно)! Ну что с ним такое с этим замком? Почему всему надо ломаться, почему телефон сел, почему замок заело, почему надо было именно сегодня заехать за вещами, почему, твою же мать, так холодно?!

Егор. 0,11235...

Егор. Да не хочу я успокаиваться! Мать ещё тоже хороша, когда не надо – телефон разбивается, надо – ничего, не переживает. Может, ещё свитер есть?

Егор. Уже смотрел, нету.

Егор. Ну что-нибудь, пожалуйста.

Егор. Нет там ничего.

Егор. Пожалуйста!

Егор. Нет.

Егор. Сука. Зачем и тащил этот шкаф, так и простоял пустой. Зачем вообще переезжал. Только книжки перевёз. Почитать, может? Что читать? Лучше бы сжечь: ни спичек, ни зажигалки. Холодно!

Егор. Сядь, успокойся, может, найдёт кто-нибудь.

Егор. Хотя кто найдёт? Мише я подоконник сломал – обиделся, Саня с девушкой в Рыбинске. Орать с балкона я уже пробовал. С отцом давно не виделись. Мама не заедет, только вчера поругались.

Егор. Вчера?

Егор. А сколько я тут сижу, надо бы посчитать. Тяжело, только стену и помню, и шкаф, и книги, и ничего. Что я вчера делал? А позавчера? Позавчера? То есть два дня? Может, три? Да нет, слишком холодно, я бы три дня не продержался, в окно бы выпрыгнул. Так сколько уже? Вчера, вчера... Я искал что-нибудь тёплое вчера! Или позавчера? Когда я надел свитер (распахивая одеяло и осматриваясь)? Может, пришёл в нём?

Егор. Сейчас июнь.

Егор. Прийти не мог. Я что, каждый день свитер ишу? Каждый день. Сосредоточься. Ты пришёл, забрал... Что я должен был найти? Чёрт с ним. Зашёл, взял, хотел выйти – дверь заело. Остался. Жду. Холодно. Не могу вспомнить, ничего, совсем ничего. Пачка сигарет на столе – дымом не пахнет. Зажигалки же нет. А привкус откуда? Помню! Вчера на книжки смотрел – пересчитывал. Сколько часов? А книг в шкафу сколько? Один, два, три...

Егор. Спать хочется.

Егор. ...четыре, пять...

Явление второе

Егор просыпается на стуле перед книжным шкафом.

Егор. Что? Надо бы лечь, что ли. Суставы ломит, продуло. Как же холодно.

Егор. Дойти до кровати.

Егор. Надо бы свитер поискать, может, под кроватью завалился.

Егор. Смотрел уже.

Егор. Почитать взять надо, а то вставать будет лень. Чёрт с ним (ложится на бок). Зачем я приехал сюда? Выезжать в следующем месяце, вещей немного: за день увезу. Что мне надо-то было. Потом вспомню, как зайдёт кто-нибудь.

Егор. Кто?

Егор. Обязательно. Продолжу пока с собой говорить. Привет, Егор, тебе холодно?

Егор. Конечно, Егор, а тебе?

Егор. И мне холодно, что делать будем?

Егор. Не знаю, Егор.

Егор. Ну что же, Егор, это прискорбно, пожалуй, нам надо что-нибудь учудить эдакое, а то замёрзнем тут, а Егор?

Егор. Да, Егор, что только?

Егор. Это бессмысленно, никто не приедет, телефон не работает, я тут один, соседи не слышат, даже если буду сигналы подавать, никакого смысла.

Егор. Поспи.

Явление третье

Егор открывает глаза.

Егор. Ну почему всё так? Я говорю с самим собой, никого нет. Холодно. Сколько я так уже? Пять дней? Есть не хочется, а что я ем? Что я вчера делал? Надо бы встать. Нет смысла, только холод под одеяло впущу.

Егор. Как тот фильм назывался?

Егор. Не помню. Какой к чёрту фильм?! Я тут замурован и помру от холода, какие фильмы?! Почему всё так? Один. Холодно. Выход закрыт. Ничего не помню. Сколько можно? В окно можно, невысоко вроде, а может, и высоко, зависит от того, как смотреть. Кто-нибудь заедет – точно! Жди. Опять поболтать? А я переставал?

Егор. Нет.

Егор. Ну и чёрт с ним тогда. Помню, где-то читал, что мы не всегда могли понять, что голос в нашей голове – это наш голос. Верили, что боги или демоны нащёптывают нам, а потом всё изменилось. Мы стали умнее и научились идентифицировать себя в реальности, и бог ушёл. Один. Холодно. Эй, бог?

Бог. Да?

Егор. Как у тебя дела, тебе холодно?

Бог. Конечно, Егор, а тебе?

Егор. И мне холодно, что делать будем?

Бог. Не знаю, Егор.

Егор. Ответь на вопрос.

Бог. Подсознание строит бесконечную комнату, которую обзывает разумом.

Егор. Хорошо, а вот на этот.

Егор. Он вышел.

Егор. Не очень и хотелось. Забавно. Так можно с кем угодно разговаривать. Люк Бессон?

Люк. Да, Егор?

Егор. Зачем ты «Люси» снял?

Люк. Не знаю, Егор.

Егор. Ну и забудь. Почему я вообще тебя вспомнил? Ты давно что-то стоящее снимал вообще? «Минипуты» тебя сломали, хотя тот фильм с Траволтой был неплох. Как он там назывался? «Из...» (вскакивает). Точно! Телефон! Зарядить об свитер, там сцена такая была! Ой, ноги, не надо было...

Егор. Найти телефон. Забудь, просто найти телефон.

Явление четвёртое

Таксист и Михаил.

Михаил. Алё, да, чего? Чётче говори, что случилось? Ой, боже, сейчас буду. Извините, мы можем заехать на Рыбацкую?

Таксист (со смешком). Ещё сотня будет.

Михаил. Ладно, поехали. Рыбацкая 45, третий подъезд.

Явление пятое

Повезло, что кто-то заложил камнем дверь, не пришлось набирать код домофона. Миша запрыгнул в лифт, мысленно матерясь, хотя и беспокоясь немного, всё, что он смог разобрать из звонка было: «Приезжай», – такое случалось довольно часто. Они с Георгием были знакомы очень давно, так что к подобным пьяным выходкам привыкать не приходилось. Он поднялся на шестой этаж, абсолютно спокойно заметил, что дверь открыта, и, не разуваясь, зашёл внутрь. Повсюду были разбросаны вещи, на тумбочке в коридоре лежали свёрнутые провода – зарядные устройства. Егор постоянно их терял, потому и получал в подарок минимум несколько штук в течение года. Михаил поёжился, в квартире стоял жуткий сквозняк, а из зала было слышно, как балконные двери бьются друг об друга от ветра. «Хоть бы закрыл, что ли», – подумал Миша. Он вошёл в зал: на полу лежал Георгий, обернувшись одеялом.

– Жора, ну что случилось, – тело поёжилось. – Утром же с тобой говорили, всё хорошо было, господи.

Кое-как Михаил смог поднять друга. Тот, в полусне, обулся, и через несколько минут они уже сидели в машине.

– Давай я тебя к матери твоей отвезу, Жор?

Егор кивнул, или же его голова просто дернулась, но Лёше и этого хватило.

– На Советский восемь, будьте добры.

– Ещё двести будет.

– Поехали уже, – Егор странно икнул и замычал. – Радио включите, что ли.

Водитель нажал на кнопку. В голове почти спящего Георгия звучал «барабан» бьющихся друг о друга балконных дверей.

Зал пел бы «Жить в твоей голове» Земфиры.

Но никакого зала нет.

ДАЙ МНЕ ПОСПАТЬ

Она легла к нему на плечо. Мимо проносились многоэтажные коробки, набитые людьми, а с соседнего сиденья автобуса на них неодобрительно смотрел пьяный мужик лет сорока пяти. В автобусе мерзко воняло застаревшей мочой, хотя вполне возможно, это были духи кондуктора. Женя этого не замечала, а Саша решил не обращать внимания. Они ехали уже где-то полчаса, ему казалось, что она уснула. Парень пристально посмотрел на неё: чёрт, она была хороша, для него даже слишком. Друзья – то наименование, которое его устраивало в данных отношениях, но она была хороша. Иногда ему казалось, что всё слишком приторно, липко, страшной была мысль о том, что же случится с этим моментом жизни, когда Саша пропустит эту секунду через фильтр ностальгии.

– Что ты так смотришь? – Александр слегка вздрогнул, удивившись, что она не спит.

– Твоя грудь, – сказал он с идиотской улыбкой.

– Что с ней?

– Твоего парня не смущает, что ты постоянно тусуешься с кем-то, кто в любую свободную секунду пялится на неё?

– Ой, да ну его, – она отвернулась.

– Хм.

– Ты лучше, – она, улыбаясь, снова легла к нему на плечо.

Слишком липко, слишком приторно.

Саша открыл глаза, хотя он и не засыпал. Шёл четвёртый беспробудный день, приправленный маленькими дозами микросна. Собственные мысли стали врагами, мозг, пытаясь рационализировать происходящее, лишь искусно издевался над хозяином, все построенные схемы отказывались признавать обычный душевный паралич, простой факт того, что всё умирает. Парень не выходил на улицу, боялся оставить телефон на видном месте – иначе бы он бесконечно таранился в одну точку и ждал бы невозможного звонка. Всё это помогало лишь немного, ведь даже сидя в изоляции, он чувствовал оставшиеся здесь ошметки своих же разбросанных эмоций, которые он лишь пытался загнать глубже, – не помогало. Всё умирает. Причём случается это задолго до «официального» расставания, он смирился с фактом, но вот с отсутствием миража – нет. Страшен не факт кончины «Торпиль», но ужасает сама мысль об её изначальном отсутствии. В итоге, любая попытка рационализировать, придать смысл страданиям, выливается в противоположное состояние:

– Ты сам придумал иллюзию, идеализировал образ, потерял контроль – всё честно.

– Я был там.

– Да, но, как и сейчас, лишь придумывал реальность, как будто писал рассказ.

– Но зачем?

– Это человеческое.

– Мне плохо по-настоящему!

– Ты испытываешь боль из-за миража.

– Так хуже!

– Это так.

– Я был там!

И так до бесконечности.

Мозг хоть и понимал причину страданий, и даже их неизбежность, был не в силах совладать с болью, она, как какая-нибудь жирная мерзкая тётушка из деревни, отказывалась уезжать. Саша кое-как встал и подошёл к столу. Экран мерцал, как лампа в море, освещая пыльные полосы от рук на столе. Парень запустил покер, в последнее время он проиграл уже долларов

200. Почти всю зарплату работника call-центра. Он посмотрел свой баланс, на котором не хватало даже на самый дешёвый турнир, и начал смотреть чужую игру. Карты мелькали на зелёном фоне, Саша даже не понимал значение, перестал различать масти. Пиксельные прямоугольники то двигались, то замирали, создавая ощущение гипнотического калейдоскопа.

– У тебя всё равно нет денег. Хватит.

Александр развернулся; на его столе, свесив ноги, сидела девушка лет девятнадцати. Чёрное обтягивающее платье оттеняло почти красные волосы. Она была тощей, как смерть, и при этом выглядела достаточно жизнерадостно – это одновременно веселило и раздражало. До боли избитый образ.

– Я не говорю с галлюцинациями.

– Разве раньше они пытались с тобой поговорить?

– Нет.

– Тогда налей, – она кивнула в сторону стоящей на столе пластиковой бутылки и протянула ему стакан, на котором были вручную выведены три буквы «ОШО». У Саши такого стакана не было: он мог не знать, сколько пальцев у него на ногах, или как он выглядит, но вот количество и «внешность» своих стаканов парень знал досконально.

– Если я попытаюсь тебе налить, я вылью полбутылки на пол.

– А ты попробуй, – она усмехнулась и игриво посмотрела.

– Так, слушай, я понимаю, что ты порождение моей фантазии, смешанное с отсутствием сексуальных связей, тем более, я пью один.

– Сколько ты уже не пил? Подумай, вспомни, ты ведь и пить уже не можешь – правда? Тем более если я – это ТВОЙ бред, то ты по-прежнему будешь пить один, – девушка потрясла стаканом.

– Хрен с тобой, – Саша взял бутылку со стола и наклонил над ёмкостью, к его удивлению, он не обнаружил, что разливает пиво по полу, а перед ним никого нет. Девушка была всё там же.

– О чём хочешь поговорить?

– Даже миражи не любят нытьё. Наверно.

– Это да.

– Значит, не о чем разговаривать, – Саша сделал огромный, даже для себя, глоток и протёр глаза. Пиво, к его удивлению, не выветрилось, он несколько раз произнёс про себя название марки, чтобы не забыть. Девушка даже не думала исчезать.

– Ты так хочешь, чтобы я ушла? Сомневаюсь, ведь ты с женщиной сколько уже не говорил? Да что там с женщиной, с кем угодно!

– Я же сказал: «Никто не любит нытьё», – он начинал злиться, этот бред затягивался, а его воплощение было слишком назойливым. – Да и вообще, ты не женщина, а галлюцинация, которая исчезнет, как только я выплюсь.

Саша лёг на кровать, сделал ещё один глоток и закрыл глаза.

Он лежит в канаве, не ожидал, что парк весь перекопали, но эта дыра посреди деревьев оказалась очень даже кстати.

– Ну куда эта сука побежала?!

– Да хер его знает.

Свет фонаря мелькнул совсем близко, парень даже подумал, что его всё-таки найдут. Будет безумно обидно, если его потащат в КПЗ только из-за того, что ему 17, и он пьян как чёрт. Почему это вообще считается преступлением?

– Да ну его в жопу!

«Эти ребята сами подпитые!» – промелькнуло в голове у самого опасного преступника в городе.

– Пошли отсюда, – произнёс силуэт под белый шум в рации.

Люди в форме удалялись к фонарям у дороги, Саша выдохнул и перевернулся на спину. Через несколько минут он совсем успокоился и закурил. Осталось пройти ещё где-то километр, один километр до счастья... парень ударил себя по щеке за такой дешёвый оборот мысли. Сигарета медленно тлела у него в руках, вокруг была тишина, лишь какая-то птица слегка свистела где-то, да мужик так громко орал на своих детей в отдалённой многоэтажке, что было слышно даже здесь, в яме. Саша поднялся и отряхнулся, чище он не стал, но хотя бы сделал всё возможное: учитывая время, обстоятельства и своё состояние. Школьник пошёл в сторону дома Жени, он старался не смотреть по сторонам: даже ночью его «химический Сайлент Хилл» выглядел угрожающе и абсурдно. Недалеко от палатки мирно спал пьяный и счастливый бомж, из двух соседних дворов были слышны какие-то крики – в общем, как дома. Мимо Саши прошла группа из пяти человек в спортивных штанах – парень напрягся настолько, что чуть не упал. Они разошлись, не оборачиваясь, правило «ходи тихо, бегай быстро» работало всегда и на всех. Парень уже почти дошёл до подъезда своей девушки, у которого, сильно сутулясь, сидели два человека в грязной одежде. Обойти возможности не было, так или иначе, пойдёшь мимо них. Александр неуверенно двинулся вперёд. В какой-то момент один из сидящих посмотрел на него: только усталость, которая со временем выдавила всё остальное. Любая мечта, стремление, побуждение, искра – утонуло всё без остатка, дело было даже не в алкоголе, их разрушило что-то другое – время. Саша боязливо ускорил шаг до двери и, озираясь, начал набирать телефонный номер.

– Жень, извини что...

– Ты у подъезда?

– Как обычно... – она глубоко вздохнула, в трубке на несколько секунд воцарилось молчание.

– Сейчас спущусь, – что-то внутри Саши запело, а снаружи он сдержал рвотный позыв и выключил телефон.

Она вышла через несколько минут, в халате, было видно, что девушке очень холодно. Саша даже не догадывался, как назвать ощущение этой безумной радости, смешанное с нечеловеческим стыдом. Вдвоём они поднялись на лифте, Женя открыла дверь ипустила своего парня внутрь. Он слегка приоткрыл рот, но тут же забыл, что хотел сказать.

– Саш, мама уехала, пошли спать, – сказала девушка, по-прежнему сонно улыбаясь.

Для него она была святой... ему всегда казалось, что у него нет ничего святого.

– Ты серьёзно? Эй, не притворяйся, я знаю, что ты не спишь! – рыжая стояла над ним.

– Иди к чёрту!

– Молодой герой с помощью ловкости и хитрости обманывает высшую силу и обходит препятствия, чтобы найти свою священную даму в конце. Сладостно! Смотри, даже стражей у ворот добавил! Ты сам в это веришь?

– Да. Но ты знаешь об этом! Я был там, ты это я – мы были там, а сейчас моё подсознание проецируется в форме иллюзии.

– Как в сериалах – ты ведь не считаешь, что это достоверный справочник. Пожалуйста, скажи, что ты так не считаешь. Отчего ты уверен, что меня нет? – девушка хитро улыбнулась. Саша замешкался и провёл рукой так, словно хотел прикоснуться к её щеке – пальцы прошли насквозь.

– Я же говорил, – грусть от того, что мираж оказался миражом, выглядела нелепо, но присутствовала.

– Окей, я не настоящая, но какая разница? Счастье иллюзорно, горе иллюзорно, я иллюзорна, ты иллюзорен. Субстанция вечно бродит по этому лабиринту комнаты, смотрит на стены, видит в них замысловатые узоры бытия, причудливые формы построения, замысло-

ватость коридора – и раз за разом находит в них «я», наслаждаясь сотворенным, – мне так отвечать?

– Это уже совсем чушь... – пробубнил Саша себе под нос. Он встал и пошёл в ванну, для того чтобы умыться.

– Как будто ты далеко уйдёшь.

– Я не буду больше говорить с тобой, – прошептал парень сам себе.

Он почти набросился на кран. Несколько раз плеснул себе в лицо водой, а потом поднёс рот к струе и начал жадно захлебываться химикатами из ближайшей реки. Тяжело дыша, он поднял голову и посмотрел в зеркало: никаких заячьих ушей или пурпурных пятен на коже – с ума он ещё не сошёл. Саша быстро перевёл взгляд на ванну и в страхе отшатнулся назад, споткнувшись о бутылку (как она вообще там оказалась!). В голове зазвенело от удара о сиденье унитаза. Перед глазами зависло изображение тела, лежащего в ванне. Руки и ноги, замерзшие в неестественной позе, лицо, едва различимое под тёмно-красно-коричневым желе, в которое превратилась вода, и чёрные волосы, свалявшиеся в один омерзительный мокрый комок. Всё потемнело.

Лампочка перегорела пару месяцев назад: единственным источником света в комнате был телевизор, по которому шло очередное «Паранормальное явление», помещение изредка освещалось лишь на несколько минут. Женя и Саша, полуголые, лежали, укрывшись двумя одеялами, болтали о какой-то несусветной чуши, что правильно: всегда пугают влюблённые, которые наедине говорят о концепции мира или же смысле жизни, будто кто-то постоянно наблюдает за ними и записывает. Где-то за стеной бурчал сосед, он был явно обижен за то, что, когда он пытался выйти из своей комнаты последний раз, Саша кинул в него бутылкой из-под пива. Что-то зашуршало и зашаркало за куском фанеры, парень схватился за заранее приготовленную бутылку потяжелее. Женя засмеялась и запрыгнула на своего молодого человека.

– Дим! Беги, я его держу!

Саша не удержался и тоже засмеялся, когда увидел несчастного Митю, который с чашкой несётся на кухню.

– Ах ты мелкая!

Парень повалил Женю, и они начали бороться, путаясь в одеяле, пытаясь хвататься за подушки и друг друга. Люди, которые счастливы, всегда идиоты, наверно поэтому никто не готовится к несчастью, которое всегда настигнет вас у стен вашего замка, разорвёт его на куски, бросит к вашим ногам ошметки, а потом, возможно, прижмёт ногой сверху, чтобы вернуть обратно в реальность.

Саша сжал её и изо всех сил, что у него были, поцеловал, потом резко спустился ниже:

– НЕ НАДО! НЕТ! НЕ КУСАЙСЯ!

– Вообще-то мне нужно к зачёту готовиться! – раздалось откуда-то с кухни.

Саша поднял голову, переглянулся со своей девушкой, и они хором прокричали: «Заткнись!»

Туман воспоминания начал рассеиваться, мир возвращал Александра обратно, но последний сопротивлялся. Он хватался, как мог, отказывался отпустить давно прошедшее, картину с уже поплывшей акварелью. Чем больше несчастный цеплялся за холст прошлого, тем больше он рвал полотно, смазывал краски, ломал рамку где-то глубоко в своей памяти. Жизнь резкой болью в затылке всё-таки отвоевала парня к себе, чему он не был рад. Издав что-то похожее то ли на рычание, то ли на кряхтение, молодой человек поднялся и ощупал голову: «Крови нет, значит, всё в порядке, шишка будет. Зараза. Откуда тут взялась бутылка?! Я не пью в ванной!» Он посмотрел на пол – ничего не было. «Я точно схожу с... Труп!» Парень вскочил и бросился к ванне, которая была пуста. Он тщательно её осмотрел, будто человеческое тело

может неожиданно спрятаться где-то под эмалью. Саша точно помнил каждый сантиметр тела, которое лежало в его собственной ванне ещё секунду назад. Человек был абсолютно синий, с отчётливыми синячными линиями на шее, серая рубашка была заляпана чем-то вроде рвоты, а торчащий из мутного желе ботинок устало вывалил язык отваливающейся подошвы. Единственное, чего Александр не мог вспомнить, так это лица трупа, как будто его и не было...

– Твоё здоровье!

Парень бешено одёрнул голову в сторону звука, его галлюцинация в виде девушки сидела на стиральной машине, сжимая в руках бутылку.

– ЧТО ЭТО БЫЛО?!

– Ты же со мной не разговариваешь, если тебя сильно не напугать, и да, сначала там была девушка-самоубийца, потом какой-то парень, а ты никогда не кидался в Митю бутылками, – последнюю фразу девушка сказала, потрясая одной. – Кстати, пиво кончилось.

На глаза Саши навернулись слёзы, он выбежал из ванной и взглядом начал лихорадочно искать свою бутылку – она была на месте, около кровати, там, где он её и оставлял. Немного успокоившись, он повернулся, за открытыми дверями ванной комнаты как ни в чем не бывало сидела его новая подруга, которая подмигнула ему.

– Милый, я порядочная девушка и пью только то, что купила сама, – она снова потрясла пустым пузырьком у себя в руке. – Но хоть я и порядочная, я так просто не отстану.

– ТЫ МОЯ ФАНТАЗИЯ! – заорал Саша в исступлении.

– Хорошо, хорошо. Неужели так трудно со мной поговорить?

– Если потакать бреду, даже своему, он усиливается. Думать.

– «Потакать бреду»? А чем ты постоянно, по-твоему, занимаешься?

– Думать, думать...

– Эй, мыслитель, я тут.

– ...

– Обычно ты красноречивее; нет, ну правда, что же за разница: труп в ванной, девушка, пьющая пиво, которое ты никогда не покупал или эти сцены, которые ты прокручиваешь в голове?

– Думать, думать, думать...

– Что ты заладил? Я могу и обидеться!

– Думать, ДУМАТЬ!

Саша осмотрел себя, убедился, что одет, и выбежал из квартиры, даже не закрыв двери на ключ. Как самый истеричный персонаж фильмов ужасов, он практически избивал кнопку вызова лифта, постоянно оборачиваясь. Двери открылись с мучительным скрежетом, и Саша рванул внутрь, сразу нажав на кнопку. Он сел в углу и закурил, поблагодарив кого смог за то, что сигареты и зажигалка оказались в кармане. Комок в горле давил всё сильнее и сильнее. Где-то к четвёртому этажу кусок горечи разорвался – парень заплакал: от страха, от безысходности, от чувства вселенского одиночества или же просто от ощущения всё приближающегося холодного безумия подбитого человека. Саша не умел плакать как настоящий мужчина, той знаменитой одинокой слезой, медленно сползающей по щеке, умел не плакать вовсе, но уж если это случилось, то тратил горе с расточительством. Парень ревел, не плакал, с зелёными соплями и злостью на самого себя, чуть ли не задыхаясь, это было мерзко и в то же время несло некое облегчение, видимо, ему давно было необходимо это сделать. «Плакать – непростительно, – думал парень. – Но раз уж начал...» Истерика и не думала кончаться, частые всхлипы и стон были слышны далеко за дверями лифта. Он начал успокаиваться сильно после того, как спустился – рыжая в чёрном платье уже стояла там. Медленными шагами она зашла внутрь, двери закрылись, а Саша не обратил на всё это никакого внимания, отсутствующе смотря в одну точку.

– Эй, слушай... – голос девушки звучал очень мягко. – Извини, не хотела тебя доводить. Я действительно хочу помочь, – она протянула на четверть пустую бутылку пива измотанному парню.

– Выпивка же кончилась.

– Ой, да ладно тебе.

Он посмотрел на неё, девушка была слегка смуглой, скорее загорелой, с очень мягкими чертами лица и большими глазами. Почти безумный Саша никак не мог поверить ни в то, что она настоящая (все факты доказывали обратное, включая внешность), так не мог поверить, что это всего лишь иллюзия, ведь миражи и галлюцинации не поправляют волосы, ну хотя, может, и поправляют, но не так... не как люди. Миражи не прячут глаза, не могут стыдливо улыбаться. Парень взял из её рук бутылку – стекло было настоящим, сон и окружающая действительность, которую можно почувствовать и потрогать, окончательно смешались в его мозгу. Он устал задавать вопросы. Девушка это заметила и села рядом с ним, прижав к себе ноги.

– Куришь? – он просто не знал, что спросить у ожившего бреда.

– Нет.

– А что это был за труп?

– Про чашку спросить не хочешь? Вообще, сам решай. Твои отношения, любовь, что-то хорошее, чего уже нет, но и как труп представлять не стоит, а то это хорошее начинает смердеть, может, это ты сам, если продолжишь изводить себя, я, честно, без понятия. Помнишь, я ведь всего лишь плод твоей фантазии, – последнюю фразу незнакомка произнесла, смешно извиваясь, изображая какое-нибудь привидение из малобюджетного фильма. Саша грустно засмеялся.

– Ладно, господа, с кем я говорю... Чего ты от меня хочешь?

– Чего хочет женщина, спросишь у Гибсона, – парень снова засмеялся, хотя шутка и не была смешной.

– А серьёзно?

– А ты чего?

– Это невежливо.

– Срать я хотела на вежливость.

– Ладно, я... я не знаю, чего хочу, не знаю, что делать, и даже боюсь подумать, что же будет дальше.

– Не ново.

– Это мусор, а не совет.

– Даже мусор может быть полезен, ты знаешь, что есть сообщества, которые живут только за счёт найденного в мусорках?

– Бомжи или хипстеры? – Саша уже окончательно успокоился, беседа начала принимать нормальное, насколько это возможно, русло.

– Нет, вполне нормальные люди.

– Все нормальные, просто сделали выбор, отличающийся от остальных.

– Какой же?

– Некоторые решили, что не будут ни за что отчитываться, даже за самих себя, – Саша отпил из бутылки – вкус не был похож на пиво, ни на вообще что-либо, но он почувствовал, что там есть градус. Девушка начинала ему нравиться: хоть он и не верил в её реальность.

– Может, и тебе стоит что-то решить?

– Я уже решил.

– Что?

– Что не буду ничего решать, просто плыть по... – девушка, размахнувшись, приложила его. Не было ни боли, ни жжения, но он точно ощутил удар, правда холодный. – За что?!

– Во-первых, не будь шлюхой, во-вторых, не будь такой дешёвой шлюхой. Тут и так клише хватит на несколько десятков рассказов. У тебя, кстати, пиво кончилось.

Саша посмотрел на бутылку, алкоголь и правда иссяк.

– Опять?

– Ну да.

– Так сделай ещё, как в прошлый раз.

– Хочу в бар!

– Чего?

– Поднимайся, пошли. Давай, давай!

Парень кое-как поднялся и пошёл за своим ожившим миражом. Она шла быстро и очень странно, словно подпрыгивая. Они вышли из подъезда, и у Саши закружилась голова, только сейчас он понял, как давно не дышал, пускай даже не свежим, но всё же воздухом, который не прошёл фильтры его собственной квартиры, воздухом, в котором не чувствовался привкус табака дешёвых сигарет. Ему стало неудобно.

– Чего встал?

– Нет, ничего, – парень весь сжался и пошёл вперёд. На улице было совсем темно и пусто, не было машин, в окнах не горел свет, будто какой-то мерзкий, маленький, писклявый и абсолютно невидимый диктатор, о котором знают все, кроме главного героя, проорал по громкой связи: «Всем спрятаться, Александр выходит из дома! Никому с ним не говорить и не попадаться на глаза! Добьём этого сосунка! Изоляция!» Сходящий с ума и его фантазия шли по пустынному городу мимо едва горевших, зачастую сломанных, неоновых вывесок. Их окружало целое царство корявых огней, которые стыдливо косились на яркую луну, будто извиняясь перед ней за свою ущербность. В голове Саши опять возник дьявольский диафильм из мучительных воспоминаний, вот он и Женя идут, держась за руки, по главной улице, вот целуются где-то на мосту, вот он в первый раз отказывается от сигареты, вот она ведёт его на какой-то идиотский фильм про суперсексуальных вампиров, а парень хоть и изображает сопротивление, безумно рад провести с ней ещё немного времени, словно чувствует, что осталось совсем мало.

– Прекрати насиловать её.

– Что, чего? – отрешённо пробормотал Саша.

– Память. Прекрати так судорожно трахать хорошие воспоминания, смотрится смешно. Из-за того, что тебе сейчас плохо, ты превращаешь свою память в бесконечную романтическую комедию: никакой реальности, никакой честности, никакой жизни – это изнасилование, а не воспроизведение. Всё хорошее ты прячешь за клише и недомолвками, убираешь плохое, стирая куски жизни, даже не замечая.

– Ничего я не делаю, я был там, я помню, как всё было.

– А сейчас ты говоришь с рыжеволосой вздорной девушкой, которая идёт по городу в сентябре в одном чёрном платье и не мёрзнет, при этом почти принимая меня за реальность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.